Шостакович Дмитрий Дмитриевич
175 25.09.96.

Наталья Попова

Воспоминания

НОВЫЙ ГОД У ШОСТАКОВИЧА

Сегодня исполнилось 90 лет со дня рождения великого русского композитора

Нина и Дмитрий Шостаковичи в Праге, 1946 г.

Независимая газ. — 1996 — 25 сент. — с.7

ЗНАКОМСТВО

ВПЕРВОЕ мирное лето после окончания Отечественной войны я, студентка Московского музыкального училища, приехала на каникулы в Армению, к своему деду.

Был июль. В Ереване стояло знойное солнечное лето. Я изнывала от жары и скуки.

Однажды зазвонил телефон — наш большой друг Артем Исаакович Алиханьян, крупный физик, руководитель высокогорной научной экспедиции, изучающей космические лучи, предложил мне подняться с ним на Алагез.

На другой день рано утром мы уже карабкались на старом «Виллисе» по бездорожью и каменистым тропам на вершину горы. Вот тогда я и познакомилась с Ниной Васильевной Шостакович — физиком, приехавшей из Москвы работать в Алагезской экспедиции.

Среднего роста, крепкого сложения, молчаливая, сдержанная молодая женщина с короткими цвета спелой соломы волосами и мягкими чертами лица — такой мне запомнилась Нина Васильевна. Она была женой известного композитора, и в ней чувствовались уверенность и спокойствие.

Мы вместе гуляли, обедали и много болтали. Время промчалось быстро, и мне было пора возвращаться на занятия. Нина Васильевна попросила меня отвезти в Москву фрукты. Приехав, я позвонила Шостаковичу и, сказав, что привезла посылку, предложила занести.

Шостаковичи жили на улице Кирова (теперь Мясницкая) напротив Главного почтамта во дворе дома, где находится знаменитый магазин «Чай». Дверь открыл Дмитрий Дмитриевич и пригласил пройти в *маленькую столовую, где дети Галя* и Максим со своей няней пили чай. Дмитрий Дмитриевич разволновался, увидев ящик, который я принесла: «Что же вы не сказали, что ящик такой большой, я бы пришел сам, он такой тяжелый...» Он долго благодарил и извинялся. Я отвечала, что живу рядом и что мне было не трудно. Меня усадили пить чай. Дмитрий Дмитриевич расспрашивал об Армении, о нашей жизни на Алагезе и о моем деде, дирижере Константине Сараджеве, которого давно хорошо знал и который даже был первым исполнителем некоторых его произведений.

После нашего знакомства на Алагезе мы с Ниной Васильевной стали иногда перезваниваться, и меня пригласили встречать у них Новый год. Я приехала к ним с Алиханьяном. Народу было немного. Я запомнила художника Большого театра Петра Вильямса с женой, подругой Нины Васильевны — Анусей, как ее все называли. Литвиновых — Мишу и Флору. Льва Атовмяна — известного музыкального деятеля, друга Дмитрия Дмитриевича. Кинорежиссера Лео Арнштама.

В крохотной столовой было тесно, но весело, шумно и много вкусных угощений. Я шепнула Нине Васильевне: «Неужели это вы столько всего наготовили?» «Да что вы, Наля, все из «Арагви», — засмеялась Нина Васильевна. («Арагви» — ресторан в Москве.)

После часа ночи Дмитрий Дмитриевич куда-то исчез — оказалось, что он пошел немного поспать, а потом, уже ближе к утру, появился выспавшийся и отдохнувший. А гости веселились, шутили, танцевали, с аппетитом пили и ели. Я была гораздо моложе всех и поэтому очень стеснялась и больше молчала.

После этой встречи Нового года я уже по традиции много лет подряд встречала Новый год у Шостаковичей, бывала у них и в день рождения Нины Васильевны, и на других семейных торжествах.

А на следующее лето мы договорились с Ниной Васильевной вместе ехать в Армению: она опять в экспедицию, а я опять отдыхать. В день отъезда в Ереван я приехала с мамой на вокзал очень рано. Перрон был пуст, и только в темноте маячила одинокая фигура. Я узнала Дмитрия Дмитриевича. Он увидел нас, подошел, помог внести чемодан в купе, сел и взволнованно спросил: «Наля, вы не знаете, где Нита?» — так он ее называл.

«Но ведь еще очень рано, до отхода поезда еще больше получаса». Но он продолжал волноваться. Посидев несколько минут, вышел из вагона, опять ходил по перрону и опять возвращался в купе.

Нина Васильевна приехала за несколько минут до отхода поезда с какими-то приятельницами — веселая, оживленная. Успокаивала Дмитрия Дмитриевича, говоря, что он напрасно волнуется по пустякам, что все в порядке. Когда мы отъехали, она сказала: «Митя не терпит никаких путешествий. За несколько дней уже начинает волноваться, даже если едет на «Стреле» в Ленинград. И знаете, как назло, у него всегда какие-то осложнения: или в составе поезда нет вагона с его номером, или на его место продано два билета, и оно уже занято, или еще что-нибудь. Перед эвакуацией из Москвы он даже хотел пойти к гипнотизеру, чтобы тот его избавил от страха перед путешествием».

В то время поезд из Москвы до Еревана шел пять дней. Дорогой она много мне рассказывала о себе, своей юности.

С Дмитрием Дмитриевичем они познакомились в Ленинграде, на концерте в летнем саду филармонии. Она притащила с собой свою маленькую собачонку, и ее не хотели с ней пускать. Дмитрий Дмитриевич помог им пройти, а в концерте исполнили его произведение. *Нина Васильевна* училась на физмате и кончала балетную школу Мариинского театра. После балетных уроков она мчалась на лекции в институт. Поженились они не сразу. «Дмитрий Дмитриевич аж дважды делал мне предложение», — улыбнулась Нина Васильевна. После замужества они жили на улице Марата, потом на Кировском проспекте, на Большой Пушкаревской.

Накануне рождения их дочери к ним неожиданно нагрянули гости. Пришел знаменитый немецкий дирижер Отто Клемперер, гастролирующий в Ленинграде, и с ним друзья Дмитрия Дмитриевича — Соллертинский и Гликман. Сидели за полночь, а поздно ночью Дмитрий Дмитриевич отвез ее в больницу, и родилась девочка. Нина Васильевна хотела назвать ее Варварой. «Варенька — так ласково звучит», — говорила она, но Дмитрий Дмитриевич решил назвать Галиной. Так и сделали.

Когда началась война, Дмитрий Дмитриевич посмотрел ручки детей и сказал: «Ничего, у них хорошие линии жизни, наверное, с ними все обойдется». В осажденном Ленинграде Шостакович был занят на оборонных работах, состоял в ополчении, дежурил на крыше консерватории — тушил зажигалки, писал и обрабатывал патриотические песни для фронтовых бригад. В октябре 1941-го их эвакуировали, сначала на самолете в Москву, а потом поездом в Куйбышев. Дорога была очень трудной, у них украли чемодан, было плохо с едой. А главное, пропали рукописи Четвертой, Пятой и Шестой симфоний.

В Ереване вскоре должен был состояться пленум композиторов Закавказья. Я спросила Нину Васильевну, приедет ли Дмитрий Дмитриевич на пленум. Она ответила кратко: «Нет, не приедет, у него пальто нет».

Именно тогда, в поезде, Нина Васильевна рассказала мне интересный случай, который произошел во время войны, в эвакуации. Должно было состояться первое исполнение новой симфонии Дмитрия Дмитриевича. Вступительное слово перед исполнением симфонии должен был сказать Иван Иванович Соллертинский — блестящий музыковед, большой друг Дмитрия Дмитриевича. Соллертинский был свидетелем создания этого произведения, и они оба с нетерпением ждали его исполнения. Но за день до концерта Иван Иванович внезапно умер. Дмитрий Дмитриевич очень горевал, но концерт должен был состояться. Вступительное слово поручили сказать музыковеду Вайнкопу. Музыканты уже сидели на сцене, и вдруг в зал влетела ласточка. Она полетала вокруг зала и села на люстре. Было совершенно непонятно, откуда она могла взяться в такой мороз. Публика примолкла. Вайнкоп сказал свое вступительное слово, началась музыка. Птица сидела на люстре, и, только когда окончилась симфония, она куда-то исчезла.

Дмитрий Дмитриевич был очень взволнован и все время повторял: «Это была душа Ивана Ивановича».

В 1947 году Шостаковичи переехали в новую квартиру на Можайском шоссе. Квартира была большая, по тем временам роскошная. На встрече 1948 года гостей было гораздо больше. Всех приходящих приглашали в кабинет Дмитрия Дмитриевича. Кабинет был большой, просторный. Между окон стоял письменный стол. Посреди кабинета стояли два рояля, удобные кресла.

В 1948 году время для Шостаковича было трудное. Я хорошо помню собрание в Большом зале консерватории, когда громили советскую музыку. Нас, студентов, сняли с занятий, загнали в Большой зал консерватории. Произведения Дмитрия Дмитриевича не исполняли. Денег у них не было, приходилось брать в долг. Мне кажется, что только благодаря Нине Васильевне, ее стойкому и сильному характеру Дмитрий Дмитриевич смог пережить это страшное время. Через несколько лет ситуация немного изменилась, и Дмитрий Дмитриевич был командирован за рубеж. Нина Васильевна рассказывала, что ему дали очень мало денег на дорогу, а кто-то из друзей попросил его привезти лекарство. Кажется, пенициллин, который в Москве достать было трудно. Дмитрий Дмитриевич купил лекарство, остался совсем без денег и на 10-й этаж гостиницы поднимался по лестнице, так как денег «на чай» лифтеру у него не было.

Последний раз я была у Шостаковичей на встрече Нового года в 1951 году. А 1952 год я встречала с родными, так как приехал в Москву мой дед, я и не смогла пойти к ним. Позвонив мне, Нина Васильевна сказала: «Наля, постарайтесь прийти. Митя говорит, что 1951 год прошел благополучно, что хорошо бы вместе встретить и 1952 год».

В сентябре 1952 года после окончания консерватории я уехала на работу в Армению, в Ереванский оперный театр, но Нина Васильевна продолжала приезжать в Ереван в научные экспедиции, и мы всегда встречались.

В 1954 году в декабре ее не стало, она скончалась 5 декабря. Ей было 44 года.

УТРАТА

В первых числах декабря 1954 года в Ереване мне позвонила Нина Васильевна, сказала, что спустилась с Алагеза и что очень хочет, чтобы я зашла. Я пришла к ней. Мы вместе пообедали и вечером с Артемом Исааковичем Алиханьяном поехали на концерт Александра Вертинского, который гастролировал в Большом зале Армфилармонии. Нина Васильевна была оживлена, весело рассказывала, как прекрасно на горе. «Снег, яркое солнце. Я сегодня лежала на снегу, смотрела на синее, синее небо, и было так тепло — чудо», — говорила она. После концерта мы пили чай с пирожными — ничто не предвещало беды.

Утром меня разбудил телефонный звонок: «Наля, Нине Васильевне плохо, она, наверное, чем-то отравилась, приезжайте». Я приехала, но дома ее не застала, соседи сказали, что ее увезла «скорая».

Это было 4 декабря — накануне праздника Дня Конституции. Нина Васильевна лежала в палате в тяжелом состоянии, у нее были сильные боли. Врачи ничего толком не могли понять, что с ней.

Только в 11 часов вечера решили оперировать. Операция шла три часа. Наконец врачи вышли и молча, не глядя на нас, прошли в ординаторскую.

Проходя мимо меня, профессор Шериманян, очень известный в Армении хирург, спросил: «Кто вы ей?» — «Подруга». — «Положение безнадежно, надо вызывать мужа и родных. У нее интоксикация. Операцию сделали поздно».

Всю ночь я сидела около Нины Васильевны. Ее мучила жажда, но пить врачи не разрешали, я смачивала ей губы. «Мне хочется холодной воды со льдом и лимоном», — сказала она.

Я старалась беззаботно отвечать ей, о чем-то спрашивать. Она говорила вяло, потом задремала. Но к утру ей стало опять хуже. Она потеряла сознание, у нее стала дергаться голова. «Это признак токсикоза», — сказал врач.

Утром все поехали на аэродром встречать Дмитрия Дмитриевича. Я осталась с ней. Самолет прилетел вовремя, но никто из встречающих не решился сказать Дмитрию Дмитриевичу о ее состоянии. Ему сказали только, что Нине Васильевне сделали операцию.

Шостакович прилетел с Галей. Ей было лет 16. Часов в 12 дня они приехали в больницу. Вошли в палату и молча стояли у дверей, пораженные ее состоянием. Я опять смочила губы Нины Васильевны, она была без сознания.

«Да, да, — сказал Дмитрий Дмитриевич, — она хочет пить, у нее пересохли губы, надо еще их смочить водой». Через полчаса нас попросили выйти из палаты. Мы прошли в кабинет главного врача, а через несколько минут вошел врач и сказал, что Нина Васильевна скончалась. Дмитрий Дмитриевич был испуган, подавлен, бледен. Он все время снимал и протирал очки. Девочка молча стояла рядом с ним, пораженная случившимся. Все вышли на улицу. Сели в машины. Дмитрий Дмитриевич сел в машину, в которой была я. Мы молчали, а Дмитрий Дмитриевич что-то все время говорил — как бы сам с собой.

«Что ж это будет?», «Это невозможно», «Кто же будет с Максимом математикой заниматься?» Казалось, он думает вслух. Мы молчали.

На другой день я предложила Гале пойти побродить по городу. Дмитрий Дмитриевич захотел пойти с нами. Мы ходили по улицам Еревана, говорили о ничего не значивших вещах. Вспомнили, что в Армении удивительная певица Гоар Гаспарян. «У нее не голос, а инструмент, причем волшебный инструмент», — сказал он. Спросил о моей бабушке. За несколько месяцев до этого умер мой дед. И мы тогда получили от Дмитрия Дмитриевича телеграмму соболезнования.

Дмитрий Дмитриевич сказал: «Я хочу зайти к Зое Борисовне».

Мы пришли к нам. Моя бабушка кинулась к Дмитрию Дмитриевичу, они обнялись. Дмитрий Дмитриевич сказал: «Вот мы с вами, Зоя Борисовна, и овдовели».

Узнав о заключении вскрытий, Дмитрий Дмитриевич подошел ко мне с бумажкой в руках и сказал: «Наля, знаете, Нина Васильевна в жизни всегда была счастливой и на этот раз не узнала, что у нее обнаружили такую страшную болезнь — рак сигмовидной кишки». Он надел на руку Гали браслет Нины Васильевны и сказал: «Пусть он приносит тебе счастье».

Алиханьян организовывал возвращение в Москву. Волновался, как их отправить — поездом или самолетом. Дмитрий Дмитриевич сказал: «Мне все равно». Я заметила: «Артюша, конечно, поездом. Самолет — это риск, лучше не рисковать». Он так и решил. А гроб с телом Нины Васильевны отправили самолетом.

Много лет я не встречала Дмитрия Дмитриевича. Я стеснялась ему звонить, когда приезжала в Москву. Через несколько лет в Ереван приехал Максим — сын Нины Васильевны и Дмитрия Дмитриевича. Он захотел посетить меня.

Как-то летом Алиханьян повез Галю, Максима, меня, мою сестру Таню и Марину (свою будущую жену) на машине в Пицунду. Мы жили в палатке мотеля. С Максимом и Галей приехал внук писателя Корнея Чуковского — Женя, в дальнейшем он стал мужем Гали. Максим тогда учился в консерватории у Якова Флиера. Максим обожал собак. За ним ходила следом свора бездомных псов, которых он кормил. И стоило Максиму пойти купаться в море — вся свора шла за ним следом и плыла сзади него. Мы все старались купаться от него подальше.

А через несколько лет мне снова довелось повидать Дмитрия Дмитриевича.

В 1963 году он приехал в Ереван по дороге в Дилижан, где любил отдыхать в Доме творчества композиторов. Дмитрий Дмитриевич приехал со своей новой женой — Ириной Антоновной. В Ереване они пришли на спектакль в оперный театр. Шла опера «Царь Эдип» Стравинского. Эта опера в Союзе больше нигде не ставилась. Я играла в оркестре. В антракте они зашли поздравить дирижера Арама Катаняна. Мы столкнулись в фойе оркестра. Дмитрий Дмитриевич узнал меня, остановился, и мы перемолвились несколькими словами. Он сказал, что ему очень нравится в Дилижане. «Я был в Швейцарии, но в Дилижане красивее», — сказал он. На другой день они опять пришли на спектакль «Царь Эдип».

В 1969 году Шостакович вновь отдыхал в Армении. Алиханьян устроил званый обед в честь приезда Дмитрия Дмитриевича и пригласил меня. Дмитрий Дмитриевич постарел, немного потолстел и поддерживал больную руку другой рукой. Он был оживлен, весел и рассказал очень забавную историю с присущим ему одному юмором:

«Недавно в Ленинграде исполняли мою новую симфонию. Я приехал в Ленинград, как всегда, остановился в «Европейской». Утром пошел на репетицию. Когда возвратился домой, увидел, что в номере «что-то не так», какие-то чужие вещи. Пошел к портье, спросил: «В чем дело?»

«А кто вам дал ключ от номера? — возмутился портье. — В вашем номере мы поселили американцев, а ваши вещи в холле. Вечером вас подселим куда-нибудь, а пока посидите в холле».

«А потом оказалось, — улыбнулся Дмитрий Дмитриевич, — американцы приехали в Ленинград на исполнение моей симфонии».

После обеда у Алиханьяна мы побродили по физгородку, расположенному над ущельем реки Раздан, а потом проводили их в гостиницу. На другой день они уехали в Дилижан.

...Больше мне не довелось увидеть Дмитрия Дмитриевича.

Наталья Ивановна Попова — заслуженная артистка Армении.

Бродячая собака

Всё о Шостаковиче

СЕГОДНЯ мы отмечаем 90-летие Дмитрия Шостаковича (1906—1975), самого исполняемого в мире композитора XX века, автора 147 пронумерованных и еще 10 не имеющих авторской нумерации сочинений, написанных с 1919-го по 1975 год, трижды награжденного орденом Ленина (1946, 1956, 1966), шестикратного лауреата Государственной премии СССР, Героя Социалистического труда, народного артиста СССР.

• • •

5 сентября в Малом зале консерватории открылся фестиваль **«Связь эпох»**. Праздник был посвящен 90-летию со дня рождения Дмитрия Дмитриевича.

А сегодня произведения музыканта исполнят певица Галина Писаренко, органистка Людмила Голуб, скрипач Сергей Кравченко и ансамбль ударных инструментов Марка Пекарского. Сочинения Шостаковича прозвучат и на празднике «Таланты России», который откроется в столице 1 октября — в Международный День музыки. 2 октября в Большом зале консерватории выступлением Российского Национального симфонического оркестра под управлением Михаила Плетнева начнется фестиваль **«Шостакович и мировая музыкальная культура»**.

• • •

11 сентября в Музее кино состоялась ретроспектива **«Шостакович и кино»**, в рамках которой были показаны ленты В.Бермана «Шостакович смеется», А.Гендельштейна «Дмитрий Шостакович», а также мультфильмы М.Цехановского «Базар» и «Сказка о глупом мышонке», в которых звучит музыка Дмитрия Дмитриевича.

• • •

12 сентября опера Дмитрия Шостаковича **«Леди Макбет Мценского уезда»** в авторской редакции впервые прозвучала в Петербурге в концертном исполнении под управлением Мстислава Ростроповича. «Для меня, если хотите, эта опера и ее исполнение — итог и смысл моей жизни», — сказал Ростропович накануне премьеры. Галина Вишневская вместе со своим супругом участвовала в подготовке этой премьеры. В партии Катерины она представила петербургской публике свою ученицу — Нину Павловскую, датчанку русского происхождения. В постановке также участвовали оперные солисты из Петербурга и Москвы, Академический оркестр филармонии, хор телевидения и радио Петербурга, театрально-концертный хор «Антифон».

В середине ноября «Леди Макбет Мценского уезда» дважды прозвучит на сцене Большого зала столичной консерватории.

Свой первый международный триумф опера пережила еще в довоенные годы на сценах Нью-Йорка, Буэнос-Айреса, Стокгольма, Братиславы. Однако ее шествие остановила статья «Сумбур музыки», появившаяся в «Правде» в 1936 году.

Партийная критика осудила произведения за «сексуальный натурализм» и «нарочито нестройный, сумбурный поток звуков». В 1963 году состоялась официальная премьера второй редакции оперы под названием «Катерина Измайлова». Однако при экранизации произведения на «Ленфильме» для исполнительницы заглавной партии Галины Вишневской композитор собственноручно вписал в клавир фразы из первой редакции.

• • •

23 сентября в Санкт-Петербурге закончился **IV Международный конкурс струнных квартетов им. Д.Д. Шостаковича.** Жюри было представлено известными музыкантами из Англии, Франции, Австралии. Председательствовал Валентин Стерлицкий. Семья Д.Д. Шостаковича — Максим Шостакович, Галина Дмитриевна и Ирина Антоновна были почетными членами. Премии получили: первую — 20 000 долл. — Доминант-квартет (Россия, Москва); вторую — 15 000 долл. — квартет «Липати» (Румыния); третью — 10 000 долл. — Квинтен-квартет (Россия, Санкт-Петербург).

• • •

20 сентября Пятой симфонией Дмитрия Шостаковича открылся в Большом зале Московской консерватории фестиваль под названием **«Великому композитору посвящается»**. В Рахманиновском зале консерватории пройдет «круглый стол» на тему **«Актуальность гения»**, в котором примут участие известные деятели музыкального искусства. В числе организаторов смотра «Великому композитору посвящается» — Российская Национальная федерация международных фестивалей, Министерство культуры РФ и Союз композиторов России.

• • •

25 и 27 сентября в Московском камерном музыкальном театре состоится вечер **«Вспоминая Шостаковича»** из вокальных и оперных произведений композитора. К 850-летию Москвы в театре Покровского решено поставить оперетту **Дмитрия Шостаковича «Москва, Черемушки».** *«Будущий спектакль — дань уважения великому композитору, который участвовал в создании нашего театра»*, — сказал главный дирижер театра Лев Оссовский.

• • •

3 октября в Музее Вл.Маяковского в 19.00 состоится концерт **«Шостакович и Мейерхольд».**

«НГ» — ИТАР-ТАСС

Сергей Федякин

Гений

DSCH

Рационалист иррациональной эпохи

НЕИЗМЕННЫЕ очки, островатый нос, поджатые губы, широковатый депутатский пиджак, за которым угадывается природная щупловатость. К этому — самому частому — его портрету как-то легко подходили бесчисленные звания и регалии: «профессор», «лауреат», «делегат», «почетный член», «Герой Соцтруда» и т.д., и т.д. (список длинен). И как-то сами собой всплывали плоские формулы: «в борьбе за светлые идеалы», «гениально отразил», «высокая идейность»... От казенных славословий легко было шагнуть в другую пошлость:

«Творческий путь Шостаковича не свободен от ошибок и заблуждений. У него были серьезные неудачи. В некоторых произведениях он отходил от великих принципов реализма, от животворных традиций классической музыки»...

От депутатского пиджака и непроницаемых очков трудно отрешиться, когда читаешь нескончаемые панегирики Шостаковичу. Но сделаешь только шаг в записи «не для посторонних» — и вспых-

Могила Дмитрия Шостаковича на Новодевичьем кладбище. Нотная надпись на камне — «DSCH».

нет живое, трепетное, писаное не без внутреннего сопротивления (как в письме Мясковского Асафьеву от 28.12.27):

«Я плевался на репетициях «Октября» — это было так же мерзко, как репетиции Стравинского, но в концерте вещь эта меня просто потрясла — так все сильно, так все на месте, так лаконично и вместе с тем интересно и законченно сказано. Неприятный мальчишка, но действительно крупный талант».

Шостакович умел убеждать. Не словами — музыкой. Если вытянуть «пунктиром» записи из дневника того же Мясковского, мы увидим отголоски драмы «приятия-неприятия»: «Хожу на репетиции Пятой симфонии Шостаковича. Лучше всего первая и третья части, вторая — малерично (в характере менуэтов и лендлеров), четвертая — хлестко, хорошая середина, но конец — плохой, D-dur'ная отписка. Инструментовка — дьявольская» (конец января 1938 г.). «Опять симфония Шостаковича — пестро по стилю, но все-таки отлично» (2 февраля). «Концерт Гаука: опять симфония Шостаковича — слушал конец как бы с авторской точки зрения, кажется, помирюсь» (11 февраля). И уже через два года, 18 февраля 1940-го в письме к Асафьеву — признание: «...его Пятую симфонию я считаю гениальной...»

Не случайно «переубеждали» концерты. Репетиции — это все-таки осколки. Мясковский «смирялся», «поддавался» воздействию, лишь услышав **целое**. Здесь наиболее отчетливо высветилась главная особенность Шостаковича: он мыслил не столько темами (хотя и мелодизм его, когда сам он того желает, замечателен), сколько музыкальными массами, мыслил свое произведение не только «изнутри», но и «извне». В композиции он — скульптор или даже — архитектор, который умело использует любой подходящий строительный материал и необходимую для музыкального здания технику.

• • •

Многих поражали не только его «восприимчивость» к чужому, но и его редкое умение чуждое — «ассимилировать»: в лучших сочинениях он был подобен Мидасу (к чему ни прикоснется — обращает в золото), но без «золотой смерти». Сомнамбулическая завораживающая сила повторяемой темы с медленно нарастающей звучностью — это было еще у Равеля, в «Болеро». Но в теме «нашествия» (Ленинградская симфония) Шостакович, усвоив «принцип развития», создает иной образ:

«Тема войны возникает отдаленно (*впечатление Алексея Толстого.* — **С.Ф.**), — и вначале похожа на какую-то простенькую и жутковатую пляску, на приплясывание ученых крыс под дудку крысолова. Как усиливающийся ветер, эта тема начинает колыхать оркестр, она овладевает им, вырастает, крепнет. Крысолов со своими железными крысами поднимается из-за холма...»

Сейчас уже произнесены слова: тема родилась до войны, в ней — впечатление не от фашистского нашествия, но от железного аппарата НКВД. Но так ли важен первотолчок? Смысл произведения, само имя его — утверждается после окончания. И «Лунной» соната Бетховена стала помимо его воли, и «Комедия» Данте стала «Божественной» не по его замыслу. Произведение само находит свой исторический контекст, и «Ленинградскую» никак не оторвать от «застывшего» времени блокады. Хотя, разумеется, музыкальный образ — всегда «гуще» отдельного исторического события. «Железные крысы» — это не только нашествие 1941 года. И по другим сочинениям Шостаковича (хотя бы — взять на пробу: Первый концерт для виолончели с оркестром) нам знаком этот мрачный гротеск — нашествие механического идиотизма.

• • •

Он удивительно точный «строитель» своих произведений. В композиции — он предельно рационален. Но он рационалист иррационального века. Эпоха стремилась построить мир по законам разума, и чем больше живой мир превращался в мир роботов, — тем более он «сходил с ума».

Шостакович следовал за эпохой, и «крушение рационализма» изобразил, как никто другой.

Свои инициалы он зашифровал совершенно «рационально». Это у Баха фамилия была даром Божьим: нотное изображение букв B-A-C-H (си-бемоль — ля — до — си) давало тему, в которой соединились острый хроматизм (не отсюда ли столь ошеломительные для XVIII века хроматизмы Баха — с их апофеозом в «Хроматической фантазии и фуге»?) и символ креста (линии от B к H и от A к C — скрещиваются).

Шостакович, обладая «немузыкальной» фамилией, оставляет только инициалы: «Д.Ш.». Но и здесь, записав «Ш» как «SCH» — он мог это «S» сделать реальным, лишь добавив спереди букву, превратив его в «ES» (ми-бемоль). И в рационально «подогнанную» роспись, сквозь это неожиданное «Е» — хлынула иррациональная стихия. Из DSCH, из этого музыкального эмбриона, выросли многие его темы (иногда ноты идут в ином порядке), и это хождение по четырем звукам с интервалами: малая секунда — большая секунда — опять малая (как, например, в увертюре к фильму «Гамлет»), неизменно пробуждают неясную и настойчивую тревогу.

Родион Щедрин уверяет нас: «Шостакович представляется мне великим мастером «концов» и «начал». Он как полководец безошибочно знает момент, где выигрывается сражение. Отвлекаясь, вспомню потрясающее заключение Четвертой симфонии. Долгая статика, предрешенное ожидание, застывшая, безмолвная пустыня... Попробуйте оторвать заключение и сыграть его отдельно. Без сомнения, возникнет чувство затянутости, чрезмерности. Но в пропорциях **всего** сочинения это поразительный пример совершенства познания тайн музыкального пространства и времени».

Но дыхание ломает механическую «соразмерность», рождая иную. Не здесь ли, в финале Четвертой, лопается клетка для «счастливого человечества» от напора музыкальной стихии (как «Е», вклеившееся в «D-S-C-H»)? И «удлиненный» конец — потому ли он стал «возможен», что «пропорции» частей «позволяют» его удлинить, или потому, что «несоразмерность» оказалась «говорящей», что здесь — мрачными медленными звонами — всплывает тяжкое и трагическое безумие «конца цивилизации»: «время не будет, потому что не надо»?

Даже когда он бывал «просветленным» — и тогда за внешней «лицевой» стороной музыки чувствовался скрытый бездонный «зев» («Река времен в своем стремленьи...»). Когда же свет гас — как в Четвертой симфонии, как в музыке в фильму «Гамлет» — Шостакович говорит самое «затаенное».

Князь Мышкин в семействе Епанчиных, словно глядя внутрь себя, говорит о жизни приговоренного перед казнью:

«Странно, что редко в эти самые последние секунды в обморок падают! Напротив, голова ужасно живет и работает, должно быть, сильно, сильно, сильно, как машина в ходу; я воображаю, так и стучат разные мысли, все неоконченные, и, может быть, и смешные, посторонние такие мысли: «Вот этот глядит — у него бородавка на лбу, вот у палача одна нижняя пуговица заржавела»... а между тем все знаешь и все помнишь; одна такая точка есть, которой никак нельзя забыть, и в обморок упасть нельзя, и все около нее, около этой точки, ходит и вертится. И подумать, что это так до самой последней четверти секунды, когда уже голова на плахе лежит и ждет, и... знает, и вдруг услышит над собой, как железо склизнуло! Это непременно услышишь! Я бы, если бы лежал, я бы нарочно слушал и услышал! Тут, может быть, только одна десятая доля мгновения, но непременно услышишь!..»

В музыке к «Гамлету» есть все: и «бородавка» на лбу соглядатая, и ржавая пуговица на кафтане палача, и — плаха. (Для кого эта музыка «простовата», пусть слушает «сложный» 15-й квартет — услышит что-то подобное.)

Гамлет не знает, что приговорен. Это знает автор. В том числе и автор музыки. Герой действует или бездействует, мучится: «Быть или не быть?» — а ты уже знаешь: «Не быть». И как не подумать о себе? Ты — свидетель всемирного помешательства — не можешь не чувствовать: все уже кончено. Что-то делаешь: спишь, работаешь, воспитываешь детей, — но ты уже на плахе, и над головой уже «склизнуло»... Не только над твоей головой, но — над всей цивилизацией.

• • •

Как было пережить это? Его «закал» — трудные юношеские годы: смерть отца, безденежье и голод, изнурительная работа пианистом в залах для немого кино. И — настойчивость, упрямство. Когда кисло отозвались о первых сочинениях — он упорствует, пишет новое. И лишь когда успех (1-я симфония, сочиненная в 19 лет) был ошеломляющим, он дает себе волю усомниться в себе, дотянув сомнение до депрессии, до «бездны». Хотя многих ли начинающих исполняли Бруно Вальтер и Леопольд Стоковский? И кому из только что «вылупившихся» мог написать Альбан Берг: «Мне доставило большую радость знакомство с Вашей симфонией. Нахожу ее, особенно первую часть, изумительной!»

Наверное, он и после чувствовал опасность всякого успеха: победивший всегда стоит на краю гибели, торжество его — это его слепота: жизнь полна подвохов и опасности. Скромность, сдержанность, замкнутость Шостаковича (о чем свидетельствуют почти все) — не попытка ли это скрыться от неминуемого успеха? (Тем более что их на его творческом пути — неисчислимое множество.)

• • •

«Высокая идейность». Она действительно была. Надо только словам этим придать первоначальный смысл, сняв с них «депутатский пиджак». Хотя и «под пиджаком» можно было кое-что разглядеть. Перечитаем фразу из одной «полуидеологической» работы о Шостаковиче: «Не всегда удавалось ему передать с должной силой и положительную идею, жизнеутверждающий пафос. Мрачные стороны действительности, тягостные переживания, страдание, горе получали иногда в его музыке более сильное воплощение, нежели высокая радость жизни».

И все-таки «пиджак» был спасением. Можно было закрыться им от уродливого века, чтобы сохранить внутреннюю свободу. Стать «депутатом», чтобы тебя не учили неучи. Чтобы сказать о своем веке самое главное. И чтобы сам этот век, возвышенный и бесноватый, на исходе, смутно вспоминая некогда произнесенное поэтом, пробормотал: «Я Гамлет ...холодеет кровь... клинком отравленным заколот».